ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. О. Ключевский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую» – в этом афоризме выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского выразилось его собственное научное кредо. Ключевский был замечательным лектором: чеканность его формулировок, интонационное богатство, лаконичность определений завораживали студентов. Литографии его лекций студенты зачитывали в буквальном смысле до дыр.

«Исторические портреты» В.О.Ключевского – это блестящие характеристики русских князей, монархов, летописцев, священнослужителей, полководцев, дипломатов, святых, деятелей культуры.

Издание основывается на знаменитом лекционном «Курсе русской истории», который уже более столетия демонстрирует научную глубину и художественную силу, подтверждает свою непреходящую ценность, поражает новизной и актуальностью.

- Василий Осипович Ключевский
  - К.Н. Бестужев-Рюмин
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Василий Осипович Ключевский

К.Н. Бестужев-Рюмин

2 января текущего (1897) года мы лишились К. Н. Бестужева-Рюмина,[1] 21 год состоявшего членом нашего Общества. Имя покойного принадлежит русской историографии, в летописях которой историческая критика отведет его ученым трудам подобающее почетное место. Мы теперь под несвеявшимся еще впечатлением понесенной потери почтим его память благодарным товарищеским воспоминанием.

Старших из здесь присутствующих я прошу Вас перенестись воспоминаниями лет за 40 назад, к концу 50-х годов.

Я принадлежу по возрасту к поколению тех из Вас, милостивые государи, чье историческое мышление пробуждалось в то время, делая первые усилия в познании родного прошлого. Едва одолев учебники истории всеобщей и русской, мы тогда усиленно читали «Четыре характеристики» Грановского в изданном Кудрявцевым в 1856 г. собрании его сочинений, Костомарова «Богдана Хмельницкого» и «Бунт Стеньки Разина» в выходивших тогда уже (1859) вторых изданиях, первые тома «Истории» Соловьева, его же «Исторические письма» и статьи Кудрявцева, Кавелина, Буслаева, Чичерина[2] и др. в «Русском вестнике», «Отечественных записках», «Современнике». Припомним также, что за этим чтением нас гораздо сильнее удерживало возбужденное общим движением любопытство юношеского ума, чем юношески незрелое понимание читаемого. Мы смутно чувствовали, что и в Русской историографии веет новым духом, который проникал тогда во все отношения, в самые

сокровенные углы русской жизни.

Теперь, спустя 40 лет, много перечитав и передумав, быв свидетелями широкого и разностороннего развития русской историографии, мы можем оглянуться на то далекое время с чувством некоторого самодовольства. Наше тогдашнее смутное чутье нас не обманывало; мы знаем теперь, что русское историческое изучение переживало тогда глубокий перелом, успевший уже обнаружиться внушительными признаками. Археографическая комиссия обнародовала уже свои первые капитальные серии русских исторических источников, летописей и актов и в 1859 г. выпускала VII том «Дополнений к Актам историческим». В подмогу ей начали действовать Виленская и Киевская комиссии для разбора древних актов. Предпринято было немало других изданий памятников отечественной старины. Накоплялся значительный запас печатного архивного материала, и вместе с тем все более выяснялось, что в тысячу раз богатейший материал таится в рукописных книгохранилищах и архивах, ожидая работников. Сколько нового открыло тогда одно «Описание» Горского и Невоструева, начавшее выходить с 1856 г.!

С другой стороны, на смену старым собирателям памятников народного творчества и быта – Максимовичу, Сахарову, Снегиреву, Терещенку,[3] – выступил ряд их деятельных продолжателей: Бессонов, Рыбников, Даль, Шеин, а в 1860 г. Общество любителей российской словесности постановило издать песни, собранные П. Киреевским.[4] Много свежих или уже испытанных ученых сил с редкой энергией и превосходной подготовкой принимались за обработку этого нового сырого и разнообразного материала, изданного и неизданного: Буслаев, Афанасьев, Забелин, Победоносцев, Кавелин, Чичерин, Дмитриев, Тихонравов, Пыпин[5] и много-много других. В 1857 г. вышел первый том «Истории Русской Церкви» Макария.[6] Среди всех этих разнообразных, трудолюбивых и талантливых работ спокойным, мерным шагом, своей особой дорогой, по возможности никого не задевая, но и не выпуская из виду чужих трудов, выходила с 1851 г. «История России с древнейших времен» Соловьева, своими неизменными из года в год октябрьскими томами обозначая движение русской исторической науки, как часовая стрелка указывает на циферблате движение времени. Очевидно было, что течение русской историографии страшно дробилось, разбивалось на необозримо разносторонние специальные русла, и возникал вопрос, как следить за этим все увеличивавшимся разветвлением русско-исторической изыскательности, чтобы не потерять нити общего направления русской исторической мысли.

В этот момент в «Московском обозрении» 1859 г. появилась без подписи автора обширная статья «Современное состояние русской истории как науки». Я был тогда еще слишком юн, далек от Москвы и от ученого мира и лишь много лет спустя узнал, что это статья Бестужева-Рюмина, а узнал это из приобретенного мною еще в студенческие годы экземпляра «Московского обозрения», на котором было написано: «Воспитаннику 3-го спец. класса Феодору Строкину на память от издателя». Под статьей рукой внимательного читателя, сделавшего в книге на полях много заметок, карандашом подписано: *Бестужев*. Бестужев-Рюмин участвовал в издании «Московского обозрения». Около того же времени он преподавал историю в Московских корпусах: не он ли сделал эту надпись, даря книгу со своей статьей одному из старших своих учеников? Я не знаю, какое впечатление произвела эта статья на своих читателей при своем появлении. Перечитывая ее теперь, видим, что она написана бойко и живо и обличает в авторе человека много читавшего, который при случае кстати припомнит и издания Сахарова, и различие между поэзией и историей по Аристотелю,[7] и Геро де Сешеля,[8] требовавшего себе из библиотеки законов Миноса[9] для составления Французской конституции 1793 г., и сделает надлежащую выдержку из Маколея, Грановского, Юлиана Шмита.[10] Главное содержание статьи – критический разбор первых восьми томов «Истории» Соловьева. Но чтобы быть вполне справедливым к своему учителю, которого он слушал в Московском университете, критик обозревает, как понимали историю и как пользовались источниками предшественники Соловьева, писавшие полную историю России: князь Щербатов, Карамзин и Полевой, потом говорит о состоянии разработки источников в эпоху появления «Истории» Соловьева и всему этому предпосылает изложение современных требований от историка как выразителя народного самопознания. Требования очень суровы и трудно выполнимы – это те сложные, возвышенные, словом, идеальные требования, какие, со слов великих мастеров историографии или глядя на их мастерские произведения, любят предъявлять молодые читатели и начинающие ученые, над которыми добродушно покачивают головой искушенные опытом и трудом обыкновенные историки. Соловьев, разумеется, не вполне удовлетворительно выдержал вооруженную такими требованиями критику своего ученика, хотя последний и отнесся к нему с большим почтением.

Но эта большая статья гораздо важнее была для самого автора, чем для Соловьева и других современных русских историков, столь же строго им разобранных. Я думаю, что этот первый большой опыт Бестужева-Рюмина по русской истории

окончательно сложил его взгляд на научное дело и на задачи его собственной научной деятельности. Он, 30-летний ученый, в этой первой серьезной пробе своего ученого пера, обозревая движение русской историографии, продумал в последовательном порядке основные факты нашей истории, пересмотрел ее источники с Карамзиным, Соловьевым и Кавелиным в руках, воочию убедился, как осторожно и обдуманно надобно ими пользоваться, на образцах поучился технике исторической работы. Его критические уроки, сказанные учителям, несомненно гораздо более научили самого критика, чем их.

Этим определялось дальнейшее направление его ученых работ. Отправляясь от основательного изучения состояния, в каком он застал русскую историографию при своем вступлении на ученое поприще, он потом всю жизнь оставался зорким наблюдателем ее движения. Я даже не умею назвать, кто бы с большим вниманием следил за русской исторической литературой нашего времени. Призванный через несколько лет преподавать русскую историю в С.-Петербургском университете, он, сколько мне известно, и в свои курсы вводил вместе с обзором русских исторических источников обзор новейшей русской историографии. Всякий начинающий дельный исследователь по русской истории был им тотчас замечаем и встречал в нем внимательного и доброжелательного ценителя. Помню, видясь с ним в давние редкие приезды его в Москву, бывало, едва поспеваешь отвечать на его нетерпеливые вопросы, кто чем занимается в Москве из молодых ученых по русской истории, что кто задумывает написать, не найдено ли чего нового в рукописях в московских архивах. Сам он не брался за большие специальные работы по неизданным архивным или рукописным источникам. Правда, он оставил крупный след в разработке русских исторических источников: в 1868 г. вышла его известная диссертация «О составе русских летописей до конца XIV в.». Этим трудом он укрепил в нашей исторической литературе прием изучения, который при умелом обращении с ним приносит плодотворные результаты, – это тонкий критический разбор составных частей памятника и их часто трудноуловимого происхождения. Я назвал бы этот прием, как он был выработан Бестужевым-Рюминым на изучении древнейших летописных сводов, – химическим анализом исторического источника.

В общем движении русской историографии он шел до конца своей особой дорогой, избрал себе здесь свое специальное дело, и это дело прямо отвечало на вопрос, поставленный широким развитием русского исторического изучения: он следил за все осложнявшимся движением русской исторической литературы,

сводил, подсчитывал ее научные итоги, наблюдал ее общее направление и по временам отмечал в ней сомнительные или неосторожные уклонения. Плодом этих многочисленных наблюдений и изучений и была его «Русская история», первый том которой вышел в 1872 г. Он сам объясняет задачу этого труда в первых строках предисловья: «Цель этой книги – представить результаты, добытые русскою историческою наукою в полтораста лет ее развития, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вместе с тем ввести в круг источников, доступных в настоящее время ученой деятельности». Кто из занимающихся русской историей переносит эту своеобразную книгу с письменного стола на полку! Она ежеминутно надобится, как путеводитель при обзоре осматриваемого города. Ее своеобразность в том, что в ней настоящий текст в нижней половине ее страниц, в этих неистощимо обильных цитатах и примечаниях, а верхняя половина – только прагматический фон или фактическая канва, по которой тщательной и удивительно терпеливой рукой выведены лучшие усилия и успехи русского труда и ума по изучению родного прошлого. Нисколько не умаляя и не преувеличивая этого труда, можно сказать, что это не только русская история, но и история работы русской мысли над русской историей. Сам автор хотел дать в своей книге руководство или, лучше, пособие приступающим к самостоятельному изучению русской истории. Собирая, сопоставляя и разбирая мнения, высказанные в литературе, он не выставляет на первый план своих, а высказывает их только кстати, как научную возможность или робкий призыв ученой братии к содействию, проверке и правке. Книга составилась постепенно из университетских чтений, в которых профессор, по его признанию, всегда давал много места оценке источников и пособий и критическому изложению высказываемых в науке мнений.

Зал инкунабул в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге

notes

Примечания

1

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) – историк. Окончил юридический факультет Московского университета; с 1865 г. – профессор кафедры русской истории Петербургского университета, с 1890 г. – академик. В 1878–1882 гг. возглавлял Высшие (Бестужевские) женские курсы. Член Археографической комиссии, Русского Географического общества, Общества истории и древностей Российских, активный деятель Петербургского славянского комитета.

2

Николай Иванович Костомаров (1817–1885) – историк, писатель; в 1837 г. окончил Харьковский университет; с 1846 г. – профессор Киевского университета, в 1859–1862 гг. – профессор Петербургского университета. Занимался историей Украины, народных движений в России, этнографией.

Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) – историк, правовед, публицист; в 1861–1868 гг. – профессор Московского университета. Один из основателей так называемой «государственной школы»; деятель либерального движения; в 1882–1883 гг. – городской голова Москвы.

З

Михаил Александрович Максимович (1804–1873) – историк, филолог, фольклорист, ботаник-эволюционист. Окончил Московский университет; с 1826 г. – заведующий Ботаническим садом, с 1833 г. – профессор Киевского университета, где занимался изучением украинского фольклора, историей Древней Руси, русской литературой, языкознанием.

Иван Петрович Сахаров (1807–1863) – этнограф-фольклорист, палеограф; член Русского Географического и Русского Археологического обществ. Собиратель и издатель материалов древнерусской письменности, фольклора, этнографии, нумизматики, иконографии.

Иван Михайлович Снегирев (1793–1868) – этнограф-фольклорист, профессор Московского университета. Исследователь обычного права, общности славянского фольклора, собиратель и издатель русских пословиц, обычаев, обрядов и т. п.

Александр Власьевич Терещенко (1806–1865) – археолог, этнограф. Собиратель и издатель фольклора (песни, былины), материалов древнерусского быта. Член Археографической комиссии. Автор сочинения «Быт русского народа» (1848) и многих других.

4

Петр Алексеевич Бессонов (1828–1898) – историк литературы, фольклорист, славянофил.

Павел Николаевич Рыбников (1831–1885) – этнограф-фольклорист. Собиратель в Олонецкой губернии былин, исторических песен и их издатель.

Павел Васильевич Шеин (1826–1900) – этнограф-фольклорист. Собиратель и издатель русского народно-поэтического творчества (былины, песни, сказки, легенды, обряды).

Петр Васильевич Киреевский (1806–1856) – этнограф-фольклорист, публицист, археограф. Собиратель и издатель русского народно-поэтического творчества.

5

Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871) – этнограф-фольклорист, историк русской литературы. Автор соч. «Поэтические воззрения славян на природу» (3 т. 1865–1869). Издатель русских сказок, легенд.

Иван Егорович Забелин (1820–1909) – историк и археолог. В 1837–1859 гг. работал в Оружейной палате; в 1859–1876 гг. – в Археологической комиссии в Петербурге. В 1879–1888 гг. – председатель Общества истории и древностей Российских. Один из организаторов, а в 1883–1908 гг. фактический руководитель Исторического музея в Москве. С 1884 г. – член-корреспондент, с 1907 г. – почетный член Петербургской Академии наук. Специалист по истории русского быта и материальной культуры. Соч.: «Домашний быт русского народа в XVI–XVII столетиях» (1862–1869), «История русской жизни с древнейших времен» (1876–1879), «Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы» (1884–1894) и др.

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) – государственный деятель, сенатор; правовед, окончил училище правоведения (1846); в 1860–1865 гг. – профессор гражданского права Московского университета; в 1880–1905 гг. – обер-прокурор Синода, член Государственного совета. Противник реформ 1860-х гг., сторонник неограниченного самодержавия.

Михаил Александрович Дмитриев (1796–1866) – поэт, мемуарист.

Николай Савич Тихонравов (1832–1893) – историк литературы; профессор Московского университета; академик (1896). Издатель памятников русской литературы, сочинений Н. В. Гоголя.

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) – историк русской и зарубежной литературы, фольклорист, публицист; академик (1896); активный участник журналов «Современник», «Вестник Европы».

6

Макарий (Булгаков Михаил Петрович) (1816–1882) – церковный деятель и историк, академик с 1854 г.; в 1841 г. окончил Киевскую духовную академию; ее ректор в 1851–1857 гг.; с 1879 г. – митрополит Московский и Коломенский. Автор трудов по истории Церкви, в т. ч. «Истории Русской Церкви» (тт. 1—12, 1866–1883).

7

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, идеолог античного рабовладельческого общества. Учился в Академии Платона (Афины), с 343 г. до н. э. – воспитатель Александра Великого, сына македонского царя Филиппа. С 335 г. – глава философской школы в Афинах.

8

Геро де Сешель (1760–1794) – деятель Французской революции, юрист, депутат Законодательного собрания, якобинец. При якобинской диктатуре казнен как «умеренный».

9

Минос – по греческой мифологии, сын Зевса и Европы, легендарный царь Древнего Крита, положивший начало его морскому могуществу.

10

Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – английский историк, публицист, политический деятель; служил в английской администрации в Индии, в 1839–1841 гг. – военный министр; отражал интересы крупной буржуазии, противник всеобщего избирательного права; автор «Истории Англии».

Юлиан Шмидт (1818–1886) – немецкий критик и историк литературы.